

РОДНЫЕ СЛОВА

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Александр Морозов

1. РАССКАЗ ПОДПОЛКОВНИКА

Из Тимишоара мы выехали под вечер. Шофёр включил мотор, дал газ, и наш «студебекер» тронулся с места.

Среди пассажиров артисты московской эстрады. Их больше, чем нас, офицеров. В разговоре поэтому преобладали театральные темы.

Машина несётся по гладкому шоссе. Сначала дорога вилась по берегу быстрого потока. Затем мы ушли от него. Каждый новый километр поднимал нас всё выше, в Трансильванские Альпы. С обеих сторон набегали вековые деревья — дубы и ели. За ними в сизом тумане проступали горные вершины.

На повороте шоссе нас остановил флажок красноармейца-регулировщика. Контрольно-пропускной пункт. В машину посадили подполковника-танкиста Вадима Ивановича. За молчаливость артисты переименовали его в Нелюдима Ивановича.

Одна из актрис намекнула танкисту, мол, не всё же актёрам развлекать пассажиров. Пора послушать и «товарищей в чинах». Все рассмеялись. Подполковник взглянул на актрису, улыбнулся.

— Моя невеста — мысль, — заговорил он, — не смеет приподнять голову. Чувствуя своё безобразие, она не решается показать себя среди остроумцев. Так, кажется, сказал какой-то мудрец Востока?

Горячие аплодисменты наградили офицера за находчивость. И тут же завладев нашим вниманием, Вадим Иванович загадочно спросил упрекнувшую его артистку:

— Вы, конечно, знаете артистов балета — Уланову, Лепешинскую, Мессерер. А известна ли вам такая фамилия — Нижинский?

Артистка надула губки:

— Мы не Иваны, не помнящие родства. Ещё бы не знать Нижинского! Имя его гремело когда-то. Кумир петербургской и московской публики, партнёр Анны Павловы!

Когда она замолчала, офицер опять улыбнулся:

— Простите за невежество, но я впервые услышал о нём недавно, когда встретился с ним...

Его сразу прервали несколько голосов: «Не может быть!», «Нижинский умер!..»

Подполковник подождал, пока уляжется шум, и уверенным голосом подтвердил:

— Совсем недавно я говорил с Нижинским так же, как сейчас разговариваю с вами.

— Где? Как? — раздалось со всех сторон.

Произошло это возле города Оденбурга. Ночью наше соединение вышло оттуда немцев. Во время боя население пряталось в шахте. Утром все выползли наверх. Одни с удивлением, а другие со страхом разглядывали советских танкистов. Поодаль от всех стояла пара и смотрела на нас. Он скромный, вернее, какой-то забитый на вид мужчина,

небольшого роста с седеющими волосами; она — ничем не примечательная пожилая женщина, с грустными глазами. Мы отдыхали возле танков. Какой-то боец обратился ко мне. Вдруг седой мужчина заулыбался. И, как бывает в театре, он, точно привидение, простирая руки вперёд, двинулся ко мне. Подошёл вплотную и, словно слепой, ощущал мои голову, плечи, погony, руки. Я с любопытством ждал развязки. Вдруг мужчина тихо, но внятно спросил по-нашему:

— Вы русский?

— Да.

— Разрешите поцеловать вас.

Я Вацлав Нижинский...

Не дожидаясь ответа, он трижды, постаринке, облобызал меня. Затем быстро обернулся и по-французски позвал свою спутницу:

— Рамола! Иди сюда...

Женщина поспешила на зов. Неожиданно для нас, ничего не знавших о Нижинском, она припала к нему на грудь. Сквозь слёзы, тоже по-французски, женщина промолвила:

— Бедный Вацлав! Как я счастлива!

В Оденбурге нас поместили в казармы. Вечером мне докладывают: хочет видеть какая-то женщина. Выхожу на крыльцо. Навстречу — Рамола. Мы сели на скамью под деревом. Тут она поведала историю о своём муже.

В 1911 году Нижинский потерял рассудок. Его трагедия в своё время поразила мир. Солист императорских театров навсегда сошёл со сцены. Остались только созданные им образы в балетах «Сильфиды», «Спектр розы» и других. Потеряв рассудок, Нижинский лишился дара речи. Его лечили в Швейцарии. Когда началась война, Рамола увезла мужа к себе на родину, в Венгрию. Пришлось спасать его от гитлеровцев. Немцы искали Нижинского, хотели расправиться с ним, как с большим и русским...

— Теперь он снова заговорил, — радостно заключила Рамола.

На следующий день было воскресенье. Красноармейцы веселились, пели, играли. Звучали баладайки и баяны. В это время в сопровождении какого-то мужчины у нас на дворе появился Нижинский. Встав в сторонку, он вслушивался в русские напевы. Об этом мне докладывали после. Сначала меня не было во дворе. Наши ребята откуда-то узнали подробности из жизни артиста. И наперебой ухаживали за ним. Один стул притащил, другой угощал сладостями, третий предложил папиросу, а некоторые додумались водки принести. Нижинский ни от чего не отказывался. Выпил и чарку «московской». Глаза у него, говорят, заблестели, весь он оживился. Наши «самодельчики» в ту минуту «отработывали» гопака. Внезапно седой гость тоже пустился в пляс. Это уж видел и я. Нижинский выделял такие невероятные пируэты, что наши танцоры даже замерли от изумления. Все мы с

восхищением следили за исполнителем. В каждом движении чувствовался мастер балета. Но вот артист закончил танец, низко поклонился публике. Наши ребята в долгу перед ним не остались. Весь плац ревел от восторга!

— Где сейчас Нижинский? — перебил подполковника кто-то из артистов.

— Не знаю, — ответил танкист.

Все замолчали. Рассказ танкиста произвёл большое впечатление.

2. ПУШКИН В ТРАНСИЛЬВАНИИ

Часам к одиннадцати вечера пошёл снег. Дорога, извиваясь по горным склонам, выносила нас к перевалу. Но чем выше в Альпы, тем гуще падал снег. Прошло только полчаса, и машина стала. Ветер рвал тент, задувал под фартук мокрый снег. Стало холодно, неприветливо. Пассажиры в кузове нахохлились, молчали. Но вот мы снова тронулись. Теперь шли медленно. Водитель то и дело менял скорость. Минут через пятнадцать опять остановились. Краешек фартука приподнялся. Мы увидели силуэт водителя.

— Не берёт, — глухо объявил он. — Снегу много. Буксуют колёса. Помочь бы надо, может, вытнем...

Нехотя покинули кузов. И попали по колено в снег. Артистки остались в автомобиле. Мы, десятеро мужчин, упёрлись руками в борта машины. Взорвался мотор. «Студебекер» дернулся и, отчаянно вращая всеми десятью колёсами, дрожал на месте, как горячий конь. Из-под колёс нас обдавало каскадами снега.

Больше часа мы бесполезно толкали машину. Устали все. И решили ждать утра. На что мы надеялись утром, никто не представлял.

Вдруг раздался голос шофёра: — Огонь!

Вглядываясь в темноту. Недалеко блестел огонёк. Все мы друг за другом, увязая в сугробах, побрели на свет.

Через четверть часа добрались до лесной сторожки. Старик-румын приветливо встретил гостей. В избе топились чугунная печь. Керосиновая лампочка под потолком тускло освещала помещение. Улеглись и расселись прямо на полу. За стеной шумел вековой лес, горный ветер завывал в трубе. Под эти миротворящие звуки мы, разорённые теплом, постепенно уgomонились.

Сквозь дрему слышу скрип двери. По полу прошёл холода. В сторожке застучали каблуками. Открываем глаза. Отряхивая с ног прилипший снег, в избушке топтались люди в румынской военной форме. Нам пришлось потесниться и дать путникам место возле печурки.

В избе снова затихло. Всех клонило ко сну. Неожиданно в эту горную тишину смело, но негромко, ворвался молодой женский голос, грудной и приятного тембра. Тут мы в первый раз

Вацлав Нижинский в балете «Спектр розы».

услышали румынские стихи, певучие и мелодичные, как итальянские. Но вот так же неожиданно голос умолк. Раздались дружные аплодисменты. Мы тоже хлопали в ладоши. Будто в ответ голос незнакомки опять зазвучал. Теперь в сторожке лились русские слова, произносимые с акцентом:

«Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог...»

Пять строф наизусть прочитаны были в лесной сторожке. Мы наградили чтящую горячими аплодисментами. Но она притаилась где-то на полу за спинами румынских солдат.

— Кто вы такая? — спросил один из наших офицеров.

Возле печки поднялся румынский офицер в чине лейтенанта. Улыбаясь, он козырнул и с трудом проговорил по-русски:

— Читала моя жена Ирина.

Румын сказал что-то по-румынски, глядя в тёмный угол. Из полумрака возникла фигура женщины в солдатской форме. На нас смотрело миловидное смуглое лицо.

Мы встали с пола. Молодая женщина запросто протянула нам руку. Потом мягко заговорила:

— Мне неловко стало за себя. Вы притаились у печки, одинокие. А Красная Армия принесла свободу моей Румынии, мужу, мне, нашему мальчику. В благодарность за это я прочитала из Пушкина... Я люблю его произведения. Такие поэты, как Александр Пушкин, Байрон, Шиллер, Шелли, принадлежат миру.

Мы разговорились. Ирина в подлинниках читала Толстого, Гоголя, Достоевского. Русскому языку училась в гимназии. Наизусть знала почти всего «Евгения Онегина». Она расспрашивала о Москве, о советских женщинах. Вокруг нас кое-кто уже храпел, потрескивали дрова в печурке.